

Вчера за завтраком мы болтали обо всем на свете, пили кофе и кушали медовые вафли. Вафли забавные, на некоторых выдавлены латышские орнаменты, а на одном...

Я взяла в руку вафлю и увидела на ней сердечко, внутри которого было написано Клер.

— Кто-то влюбился в Клер, — произнесла я шутя, и мы продолжили нашу незатейливую беседу.

После завтрака, моя посуда, Виталька, как всегда (ну, может и не всегда, но достаточно часто), воскликнул:

— У меня родилась гениальная идея нового рассказа! А может быть повести, а может быть даже романа. И эту идею подала ты!

Вытирая тарелки, я с любопытством взглянула на Витальку.

— Какая же это идея? — нетерпеливо спросила я.

— За завтраком ты произнесла фразу, которая может стать отличным названием для...

— И что же это за фраза? — Я лихорадочно пыталась вспомнить, о чем болтала во время завтрака.

— Ты сказала... — Виталька сделал значительную паузу, явно желая помучить меня.

— Ну! — заторопила я его.

— Ты сказала: кто-то влюбился в Клер. И это будет названием нового произведения. И когда мы его напишем, оно взорвет умы человечества.

Вот, собственно говоря, и вся история. А теперь начинается самое главное. Мы начинаем писать рассказ, а может быть повесть, а может даже роман.

КТО-ТО ВЛЮБИЛСЯ В КЛЕР

*Посвящается тому,
кто меня вдохновил за завтраком*

Он, она. Аромат утреннего кофе и легкая мелодия, словно игривый летний ветерок прячет зиму, прячет серый день и проливной дождь.

Где-то за окном накатывают волны на холодный берег, шумит в соснах ветер, а здесь, в теплой кухне, светло и уютно.

Мелодия звучит. Мелодия...

Они живут в такт этой мелодии вот уже десять лет. И все эти десять лет они шагают по жизни, едва касаясь кончиками пальцев Земли.

Она всю свою жизнь ходила на носочках и научила этой легкости его. Теперь и он не представлял себе жизни без этой легкости. И никогда больше не вспоминал, как шагал раньше.

На круглом столе разбросаны красные зимние яблоки, желтый лимон порезан кружочками, груши с длинными-предлинными ножками весело обнимаются спелыми боками.

Она отпила кофе и взяла из плетеной серебряной корзиночки печенье с выдавленным на нем сердечком. Внутри сердечка написано одно лишь слово — Клер.

— Кто-то влюбился в Клер, — почти пропела она.

Он поднес горячую кружку к губам и блаженно втянул аромат кофе.

— Клер, — в тон ей и чуть задумчиво произнес он.

Они посмотрели друг другу в глаза и поняли, что скажут сейчас одно и то же.

— Интересно... — начала она.

— Какая она... — продолжил он.

— Клер, — почти эхом пропела она.

— У нее огненно-рыжие волосы. — Его взгляд затуманился, и он едва не исчез весь, целиком, в этом взгляде.

Она не хотела оставаться одна.

Она не любила оставаться одна.

Она распахнула свои глаза цвета мокрого летнего леса, и он не смог удержаться. Он весь, целиком и полностью, окунулся в этот свежий зовущий лес. Она успокоилась и едва заметно улыбнулась.

— У нее каштановые волосы, и на солнце они отливают медью. Как у тебя, — тихо-тихо произнес он.

Она разрезала грушу и поднесла половинку к его губам.

Спелая влага сладостью коснулась кончика его языка.

— Она живет в старинном доме, увитом диким виноградом. — Ее взгляд затуманился, и она едва не исчезла вся, целиком, в этом взгляде.

Он не хотел оставаться один. Но всякий раз отпускал ее туда, где блуждал ее взгляд. Он знал, что она непременно вернется, ведь она не может жить без него. И ей непременно надо знать, где блуждает его взгляд.

Он неспешно сделал глоток кофе и съел свою половинку груши, и она вернулась к нему.

— Она одинока, но каждое утро на ее окно прибегает кошка, — сказал он.

— У нее есть синее блюдо с золотыми лепестками по краям. В него она наливает для кошки молоко.

Слабый луч солнца пробился сквозь серое полотно неба, натюрморт на столе засиял новыми красками.

— По вечерам Клер любила рисовать на холсте красные аэропланы.

Он разрезал яблоко и поднес половинку к ее губам. Она звонко хрумкнула, и капельки сока засверкали на алом.

— Картины с аэропланами Клер дарила прохожим. Она всякий раз заглядывала в их глаза. Клер искала в них...

Она задумалась, приподнялась со стула и приблизила свое лицо к его лицу.

Он вдохнул аромат яблока, овевавший ее, и заглянул в глаза.

— Она искала в них свои красные аэропланы.

— Иногда ей казалось, что она видит.

— Но это ей только казалось.

— Аэропланы исчезали за зелеными, голубыми, карими облаками.

— Это были не ее аэропланы.

— И они вовсе не были красными.

— И, пожалуй, это были вообще не аэропланы.

— Это было печально.

— Увы.

— Она искала...

— Она ждала...

Теплые влажные губы едва касаются теплых влажных губ. Аромат яблока вуалью окутал и унес обоих в тот неведомый город, где жила Клер.

Они увидели улочку, мощенную булыжником, старинные домики, увитые диким виноградом, и его. Он сидел на коньке красной черепичной крыши и красил красной краской медный флюгер. Они приподнялись на носочках и легко взлетели к самой крыше. Они помахали ему, и он, улыбнувшись, помахал им в ответ.

Рядом с ним крутился на ветру флюгер.

Это был красный аэроплан.

Кто-то влюбился в Клер.

КОНГЛОМЕРАТ

Серый, промозглый март выдувал ветром мелодии в Старом городе. Словно сиротливый уличный музыкант, играющий на флейте, он звучал тоскливой нотой в водосточных трубах, поддавал ритму по туго натянутым козырькам маркиз, пронесился то тут, то там, шурша прошлогодней листвой.

Будний день, и город пуст. Где-то за домами слышен звон трамваев и шум проносящихся автомобилей.

Они всегда встречались в пирамиде. Странное сооружение на площади у Концертного Зала. То ли из пластика, то ли из прозрачного стекла, пирамида торчала, словно сюрреалистическое безумие художника, насильно вписанное в классические, привычные для взгляда каноны архитектуры. Внутри она была пуста, и лишь плавный спуск под землю говорил о том, что это выход из подземной автостоянки. Здесь можно было спрятаться от ветра и дождя и немного погреться под теплым воздухом, вырывающимся снизу.

Высокие, молодые и какие-то subtilно-худые, они, словно два близнеца, были похожи друг на друга. Хотя одевались всегда по-разному, но даже в этой разности были похожи. Узкие штаны — трубочкой книзу — пузырились, начиная с колен и расширяясь на бедрах. Тонкие полупальто, не державшие тепла, или короткие куртки. Яркие шарфы, хаотично обмотанные вокруг шеи, маленькие шляпы в клеточку с узкими полями. Волосы часто меняли цвет. Сегодня у одного были ярко-зеленые, плавно переходящие в синий, выбритый висок и рваная челка. У другого лимонно-желтый цвет волос резко пересекала розовая полоса, хитрым изломом уходящая в розовую бровь.

— У меня сегодня деньги есть. Гуляем! Хватит на три чашки кофе.

— Я жрать хочу.

— Ты всегда жрать хочешь.

— А ты будто нет.

— Я просто умею скрывать свои недостатки, дорогуша.

Подождал третий. Он был так же высок, но не так subtilно худ. Одет во все черное. Кожаные штаны ладно облегли ноги, кожаная куртка, мотоциклетный шлем в руке, природные иссиня-черные волосы. Не здороваясь, они вышли из-под иллюзорного тепла пирамиды, засунули руки в карманы, зябко приподняли плечи, зарывшись в шарфы, и легкой пробежкой устремились в ближайшее кафе.

Тут они были завсегда. Бармен слегка махнул рукой в приветствии и включил кофейный аппарат. Они сели за столик.

— Тепло.

— Три кофе, Крис.

— Я жрать хочу.

— Я уже слышал.

— Это не умаляет моего голода.

— Возьми орешки, сестричка, — поднявшись, один из «близнецов» взял бесплатные орешки.

— Хочу колбасу.

Бармен принес кофе. Аромат и тепло на время успокоили мысли. Первый глоток.

— Снег пошел...

— Скорей бы лето...

— Летом тепло...

— А че он всегда молчит? — кивком головы указывая на третьего, обратился один «близнец» к другому.

— Отстань от него.

— Не, ну он всегда молчит. Че ты молчишь? Неделю тусуемся, ни одного слова от тебя не слышал, дорогуша.

— Пошел ты, пидор!

— Ха, посмотрите на него! — беззлобно воскликнул «близнец».

— Ну, хватит уже, ну! Ты че, не понимаешь, нас должно быть трое. У нас конгломерат.

— Кон... что?

— Конгломерат. Слово такое.

— Переведи, дорогуша.

— А фиг его знает. Круто звучит. Я, знаешь ли, книжки читаю.

Мирно вкралась пауза, лишь тихая джазовая мелодия едва касалась слуха. Было приятно просто сидеть, пить кофе и смотреть на снег за окном.

Быстро темнело. Сами собой зажглись фонари. На улице прибавилось прохожих.

— Меня сестра в Лондон пихает.

— Поедешь?

— Если б можно было жить на одном кофе.

— Мои предки хоть и жмоты, но кормят. Богатенькие.

— Я бы и в кладовке продолжал жить у сестры, но... Она из-за меня, видите ли, создать нормальную семью не может. Двое пацанов мелких. Ей трудно одной... Может, там каких денег заработаю.

— Когда едешь?

— Лечу. Билет на среду.

Все трое, не сговариваясь, встали, расплатились за кофе и вышли в промозглую тьму.

— Может, в Лондоне теплее, — сжавшись от холода, произнес один из «близнецов».

— Извините, братишки, конгломерата не случилось, — грустно улыбнулся другой.

— Я подвезу тебя в среду, — произнес парень в черном.

Они пожали друг другу руки и быстрой походкой разошлись в разные стороны.

